

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЕРЫ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ В НАЧАЛЕ 1930-х гг.

Осуществляемая партийно-государственным руководством радикальная модернизация аграрного сектора экономики в начале 1930-х гг. вызвала страшную катастрофу, которая сопровождалась массовыми страданиями и человеческими жертвами. Именно в ходе этой реформы, видимо, были допущены самые принципиальные ошибки с тяжелыми последствиями за весь советский период.

За последнее время много написано о «перегибах» в проведении коллективизации. Тема репрессивной политики в СССР по отношению к земледельцам прочно утвердилась на страницах печатных изданий¹. Однако остается открытым вопрос о степени влияния на крестьянство насильственных мер по изменению общества. Данное сообщение поможет получить на примере Средне-Волжского края более полное представление о последствиях происходивших событий первой половины 1930-х гг.

Реализации ключевой задачи государства – превратить страну Советов в индустриальную державу – была подчинена аграрная политика партии и правительства. Деревне отводилась роль основного источника в достижении этой цели. Руководство СССР предприняло шаг в самые сжатые сроки решить зерновую проблему путем ликвидации очагов капиталистического хозяйства (кулаков) и принудительного образования крупных механизированных коллективных хозяйств. Вопреки намеченным в центре темпам, местные парторганизации, а с ними и органы власти, стремились силой загнать крестьян в колхозы за невероятно короткое время, развивая при этом огромную энергию и упорство. Целью же самого кооперирования было обеспечение фиксированных поставок сельскохозяйственных продуктов. Именно от их хода зависели снабжение промышленности сырьем, рабочих продовольствием и реализация экспортно-импортного плана. Процесс коллективизации в начале 1930-х гг. принял катастрофический характер.

Игра была масштабной, правительство думало только об увеличении получаемой от крестьян продукции, в то время как земледельцу важно было выжить. Чем более плодородным был реги-

он, тем большей сдачи сельхозпродукции от него ждали. Средне-Волжский край относился к числу таковых. Он являлся важной зерновой базой страны². Поэтому методы, используемые в заготовительных кампаниях, были крутыми, напоминая эпоху «военного коммунизма». Выработанные и проверенные «чрезвычайные меры» (штрафы, аресты, массовые обыски) вновь становились популярными среди активных исполнителей сталинской заповеди. Местные органы власти во время проведения своих рейдов по поиску запасов не брезговали ничем: ни старыми вещами, ни кухонной утварью, ни предметами мебели. Райкомы от уполномоченных по заготовкам требовали «все изъятое передавать по назначению, в первую очередь брать хлеб, скот, мясо, овощи, инвентарь, жильё и надворные постройки»³, т. е. все, что имел крестьянин. Раскулачивание, представлявшее собой огромную по масштабам внесудебную репрессию, стало главным методом заготовок и выполнения других «заданий». К прежним дополнялись новые способы реализации плана: бойкот, запрещение торговли, прекращение завоза товаров, досрочное взыскание кредитов. Эти действия применялись как к единоличникам, так и к колхозникам, не выполнившим государственного задания⁴.

В ответ на насилие среди крестьян Средней Волги нарастало разнообразное пассивное сопротивление. Во имя сохранения урожая земледельцы шли на всяческие уловки: уклонения от выполнения навязываемых повинностей, сокрытия производимой продукции и запасов, бегства из деревни и т. д. Решающую роль в этом сыграли реальная угроза остаться без хлеба, усиливающийся нажим, унижительная беспомощность перед властями, которые ломали у крестьян психологию хозяина, привыкшего распоряжаться результатами своего труда.

Конфронтация между сельским населением и партийно-государственным руководством всех уровней вылилась в открытую борьбу. Сельские жители повсеместно поднимались на локальные антиправительственные выступления, подавляемые войсками ОГПУ и отрядами милиции. Так, по неполным данным, с января по октябрь 1931 г. в Средне-Волжском крае зарегистрировано 243 массовых выступления. Из них значительное количество произошло в январе-феврале (36) и особенно в июне-июле (204). Волнения охватило 206 населенных пунктов в 40 районах⁵. Однако это открытое сопротивление с использованием многооб-

разных методов двух сил завершилось полным поражением трудового крестьянства.

Давление и террор государства в отношении сельских жителей вызвали массовое бегство из колхозов, что для руководителей явилось полной неожиданностью. Только за январь-март 1932 г. вышло 3050 хозяйств, а в отдельных районах выход достиг 70–80 %⁶. На протяжении 1932 г. этот процесс явился непрерывным. Основная же масса, опасаясь репрессий, вынуждена была оставаться в колхозах, в которых обессиленные земледельцы с большой неохотой выполняли свои обязательства или же отказывались от работ в поле.

Поскольку хлебозаготовки лишали колхозников и единоличников необходимого им для пропитания хлеба, они нашли еще один метод выживания – воровство. В соответствии с сообщениями ОГПУ и милиции, большинство правонарушений в 1932 г. было связано именно с этим преступлением, причем расхищали зерно как индивидуально, так и группами⁷. Ворovali все, независимо и от наличия партбилета в кармане.

Ответом на эту «экономическую реакцию» стал принятый 7 августа 1932 г. закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной собственности»⁸, вошедший в арсенал репрессий. Уже к 10 августа в краевую прокуратуру поступили сведения, рисующие масштабы борьбы местной власти «с расхитителями социалистической собственности», основу которой составлял хлеб. Так, к лишению свободы приговорено 276 человек, к принудительным работам – 261, к штрафу – 8, к прочим мерам социальной защиты – 227, итого – 772 человека⁹. Цифры немалые!

Массовые репрессии явились результатом стремления власти любым путем получить хлеб. Вследствие реализации плана заготовок из края было вывезено в 1931–1932 гг. огромное количество зерна, предназначенного для внутреннего потребления и прежде всего для продовольственного обеспечения крестьянских семей. Большинство земледельцев края фактически за выработанные трудодни ничего не получали.

Центральным и местным властям удалось провести «блестящую» операцию по вымогательству сельхозпродукции у крестьян, которая окончательно истощила продовольственные ресурсы деревни. В начале 1933 г. по Средне-Волжскому краю начал распространяться массовый голод, ставший самым крупным проявлением социально-экономического кризиса первой половины 1930-х гг.

Насильственная коллективизация, обязательные государственные хлебозаготовки и голод не могли не повлечь за собой глубинные изменения в социальном, экономическом и демографическом развитии населения. Они имели долгосрочные последствия и определяли особенности процессов, происходивших в регионе вплоть до нашего времени.

На протяжении последующих лет основной возможностью спасения хлеборобов от бесчинства властей было бегство в промышленные центры. Краевое управление народнохозяйственного учета неоднократно информировало руководство о «значительном отливе сельского населения». Так, в записке начальника сектора крайУНХУ от 30 декабря 1933 г. сообщалось, что «в некоторых районах Левобережья, пострадавших от недорода, происходит массовый неорганизованный отъезд населения, в результате которого наблюдается убыль населения на 24 % за июль по ноябрь. По отдельным сельсоветам она доходила до 30 %»¹⁰. Это явление стало началом длительного периода перемены образа жизни в селе.

В первой половине 1930-х гг. обозначились тенденции уменьшения абсолютной численности населения в деревне. На 1 января 1929 г. было выявлено 6419,8 тыс. человек, проживающих в сельской местности¹¹. В 1932, 1933 и 1934 гг. численность населения составляла 6724,0, 6686,0 и 6596,3 тыс. человек соответственно¹². Перепись 1937 г. определила численность сельских жителей на территории Среднего Поволжья (в пределах бывшего края) в 5250,4 тыс. человек¹³. Перепись 1959 г. зафиксировала цифру в 4601,7 тыс.¹⁴ Необходимо отметить, что в 1950-е гг. имели место негативные демографические отголоски Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ситуация не изменилась и в 1970 г., когда в регионе проживало 3839,5 тыс. сельских жителей¹⁵. В Среднем Поволжье существовала устойчивая тенденция к медленному сокращению сельского населения. Оно продлилось и в следующее десятилетие. К 1987 г. регион потерял еще 28 % своих крестьян¹⁶.

В результате проводимых насильственных изменений в первой половине 1930-х гг. была разрушена социальная структура деревни, она лишилась огромного количества рабочих рук (добровольно или принудительно). Не случайно сталинское руководство взяло под особый контроль перемещение крестьянства. Сельские жители прикреплялись к своему постоянному месту жительства. Но оставшись в деревне, отчужденные полностью от ре-

зультатов своего труда, лишённые всяких к нему стимулов, они работали, понятно, плохо.

«Насадив» колхозы, советская власть своей цели добилась. В результате ежегодных заготовок, которые проводились всякий раз как боевые операции, партийно-государственное руководство получало максимально возможное количество сельскохозяйственных продуктов. Власть так и не решила продовольственную проблему. Несмотря на некоторые мероприятия правительства, направленные на исправление ситуации в деревне в начале 1930-х гг., дальнейшие события подтвердили еще раз, что государство не намерено изменять своих основ аграрной политики, даже идя на компромисс с хлеборобом. В основе его лежало личное подсобное хозяйство (ЛПХ), которое при низкой выплате на трудодни от общественного хозяйства являлось главным источником существования для земледельца.

Закрепив за колхозниками право на ведение ЛПХ, партийно-государственное руководство столкнулось с повсеместным крестьянским желанием расширить экономические возможности личного хозяйства. Секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) П. Постышев отмечал в 1937 г., что «в ряде районов области из года в год допускались извращения, выражающиеся в расширении приусадебных посевов колхозников против норм, которые установлены Уставом сельхозартели»¹⁷. Поэтому советское правительство на протяжении своего существования не смогло добиться от земледельцев более производительного труда в колхозном хозяйстве, чем на крестьянском дворе.

В колхозно-совхозной системе производимая продукция шла на госзаготовки, натуроплату за работу МТС, контрактацию, госзакупки, т. е. государство забирало почти все подчистую. Поэтому крестьяне больше заботились о своем хозяйстве, в котором продукты в основном предназначались для базарной торговли и собственного потребления.

Как показывают статистические данные, роль ЛПХ возрастала от пятилетки к пятилетке. Так, с 1934 г. по 1941 г. количество коров у колхозников увеличилось до 6,5 млн голов, а в колхозах и совхозах страны оставалось лишь 2,3 млн¹⁸. В 1950 г. в Куйбышевской области в общей валовой продукции животноводства доля приусадебного производства колхозников составила 68,8 %, показатели молока и яиц были еще выше и равнялись 78,6 % и 88,4 %¹⁹. В

дальнейшем наблюдалось сокращение доли производства личных хозяйств²⁰, причиной чего стали попытки правительства проводить политику, направленную на ограничение ЛПХ²¹.

Власть боялась потерять своего «раба», поэтому исправляла положение не путем дополнительного финансирования сельского хозяйства, увеличения закупочных цен, снижения объемов заготовок и повышения материальной заинтересованности, а шла проторенной дорогой административного ограничения крестьянского хозяйства, ставшего для него основной возможностью хоть как-то выжить.

Стремление партийно-государственного руководства принудительно подчинить себе самую многочисленную социальную группу, от которой зависело благосостояние общества, обернулось для него крахом попытки создания идеальной социалистической державы. В ответ на насилие крестьяне работали все хуже, поскольку земля, по существу, им не принадлежала. Лишенные всех прав, самостоятельности и всякой инициативы, колхозы были обречены на застой, а колхозники, перестав быть хозяевами, превратились в граждан второго сорта.

Вводя новое, по сути, крепостничество в деревне, сталинская власть инициировала катастрофическое отчуждение крестьян-колхозников от процесса и результатов своего труда. Непосредственные результаты этого отчуждения проявились в полной мере, которые можно наблюдать и по сей день.

Примечания

1. См. работы: В. П. Данилова, И. Е. Зеленина, В. Н. Земскова, Н. А. Ивницкого, В. В. Кондрашина, Е. Н. Осколова, Ю. А. Мошкова и др.
2. ЦХДНИУО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 408. Л. 3; Ф. 13. Оп. 1. Д. 1062. Л. 14.
3. ГАУО. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 36. Л. 112.
4. Там же. Д. 29. Л. 61.
5. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 3, кн. 1. 1930–1931 гг. М., 2003. С. 776.
6. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. М., 2001. Т. 3. С. 327.
7. ЦХДНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1042. Л. 179.
8. Зеленин Е. Н. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // Вопр. истории. 1998. № 1. С. 116.
9. ГАСО. Ф. 779. Оп. 2. Д. 891. Л. 315.
10. Там же. Д. 921. Л. 126.
11. Среднее Поволжье в цифрах. 1929 г. С. 7.
12. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревне Поволжья : дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 193.

13. Население России в XX века. Т. 1. М., 2000. С. 365, 366.
14. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 19–21.
15. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970. Т. 1. Численность населения СССР, союзных, автономных республик, краев и областей. М., 1972. С. 10–13.
16. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 389–391.
17. ЦХДНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1465. Л. 57.
18. *Суслов И. Ф.* Экономические проблемы развития колхозов. М., 1967. С. 185.
19. Народное хозяйство Куйбышевской области за 50 лет : стат. сб. Куйбышев, 1967. С. 83.
20. Там же. С. 83.
21. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. М., 1985. С. 95–96.

КОРШУНОВА И. В.

ПОЛНОМОЧИЯ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА РОССИИ

Единство и целостность Российской Федерации обеспечиваются единством государственной власти и в первую очередь единством системы органов исполнительной власти в Российской Федерации.

Важная роль и значение, отведенные исполнительной власти в обеспечении государственного единства Российской Федерации, проистекают из ее сущности. Во-первых, функциональное назначение исполнительной власти состоит в практической реализации законов, указов Президента Российской Федерации и иных актов. Во-вторых, как и другие ветви власти, исполнительная власть обладает правом законодательной инициативы, а также является властью, в рамках которой осуществляется подготовка и издание подзаконных нормативных правовых актов (актов управления). В-третьих, она реализуется в процессе государственно-управленческой деятельности, т. е. во внесудебном порядке, и выражается в особом виде государственной деятельности – правоприменении, проявляющей себя в деятельности специальных субъектов права, наделенных должностными полномочиями.

Именно исполнительная власть представляет единство, сущность, функциональную направленность государства¹. Пожалуй, эти три черты определяют исполнительную власть как монополю-